

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3403947>

УДК 101.1

Акимов Р.А.

Акимов Рустам Акимович, Дагестанский государственный педагогический университет, 367025, Россия, Махачкала, ул. Ярагского 57; rustamakimov@mail.ru.

Познание природы времени

Аннотация. В статье дается анализ изучения природы времени в философии. Основное внимание сосредоточено на концепциях времени в философии античности. Выявлены общезначимые для философии и науки проблемы понимания времени. Выявляется источник противоречий в объяснении сущности времени. Предлагается вариант осмысления времени как номологической сущности.

Ключевые слова: время, познание, античность, наука, философия, природа, сущность.

Akimov R.A.

Akimov Rustam Akimovich, Dagestan State Pedagogical University, Yaragsky 57 st., Makhachkala, 367025, Russia; rustamakimov@mail.ru.

Cognition of the nature of time

Abstract. The article gives an analysis of the study of the nature of time in philosophy. The main focus is on the concepts of time in the philosophy of antiquity. The problems of understanding time are universally significant for philosophy and science. The source of contradictions in the explanation of the essence of time is revealed. A variant of understanding time as a nomological entity is proposed.

Keywords: time, cognition, antiquity, science, philosophy, nature, essence.

Изучению времени как категории ума посвящено значительное количество трудов. Любой философский или научный вопрос так или иначе, явно или латентно, предполагает необходимость выбора концепции времени. Познание природы времени, предпринятое мыслителями, учеными прошлых эпох, дает теоретическую базу для формирования философских теорий времени в соответствии с современными научными знаниями. Порой новое, это хорошо забытое старое. Из всего историко-философского комплекса осмысления природы времени мы сосредоточим внимание на теориях древнегреческих мыслителей. Выявим общезначимые, для философии и науки, проблемы. Предложим решение данных проблем с позиции современного научного знания. Одна из первых древнегреческих философских школ – милетская – выдвигала ряд концепций вещественной первоосновы мира. Философская идея того, что первосущностью мира является вода (Фалес), переплетается с мифологическим мировоззрением древних греков о воде, океане как исходных началах творения мира. В «Теогонии» Гесиода Океан и Фетида выступают родоначальниками всех божеств, связанных с природой. Если вспомнить, то и в Ведах (Ригведа) ключом к происхождению бытия является вода. Поиски физического начала мира знаменуют собой становление научно-философского мировоззрения в античной культуре [5;7]. Другие представления о первооснове бытия – воздух, огонь, т. п. — были уже версиями идеи о физическом элементе как первоосновы всего сущего. Наряду с тенденцией определять первооснову мира через реальные физические эле-

менты, формируется другой подход — Анаксиманд, пифагорейцы, атомисты, — идущий по пути выявления первоосновы бытия не в конкретно-физической реальности, а в области абстрактно-природных сущностей — апейрон, число, атом. Пифагорейская, элейская, платоническая школы представляют собой ту ветвь философских школ древней Греции, в которой получает развитие логическая форма осмысления бытия, конструирование картины мира, где базовые понятия не обнаруживают в природе соответствующих чувственно-наглядных референтов. Описание мира языком абстрактно-логических понятий приводило к противоречию с представлениями, складывавшимися на основе чувственно эмпирической картины мира. Это противоречие ярко выразил в своих апориях Зенон Элейский. Дуализм чувства и разума в познании обусловил представление о двух формах знания — «истинного» и «во мнении». У Парменида эти две формы знания конституируют две картины мира: картину мира «истинного знания» — вечного и единого бытия и картину мира «мнений», основанную на чувственном восприятии — подвижного и противоречивого бытия. Соответственно и идея времени раскрывается в этих картинах мира в свете «истинного» и «мнимого» знаний. Как повествует Симпликий, Парменид оценивал идею всеобщего становления во времени как неистинные представления, рождаемые чувственной видимостью [8, с.290]. Согласно Пармениду, разум выводит нас на идею вечного мира, в котором не существует прошлого и будущего, а существует «вечное настоящее»: круговорот событий мира, обозначаемый знаками — прошлое, настоящее, будущее — и генерирующий нить времени в форме прошлого, настоящего и будущего — всего лишь иллюзия чувств «Поэтому (пустым) именем будет все, — утверждает Парменид, — что смертные установили (в языке), убежденные в истинности этого: «Рождаться и гибнуть», «быть и не быть» ... [8, с.291]. Но поскольку человек живет не только разумом, но и чувствами, то противоречие двух картин мира — чувственно-эмпирической и рациональной — не могло быть разрешено однозначно в пользу одной из них. Вывод, напрашивающийся в отношении вышесказанного таков: парадоксы, которые сформулировал Зенон Элейский, явились следствием эклектики и вторжения познавательным инструментарием одной картины мира в другую. Зеноном было обнаружено, что мир чувственных представлений необъясним в категориях логики. Логика разрушает представления «здравого смысла» о пространстве, движении и времени. Попыткой снять возникшее противоречие между чувственной и рациональными картинами мира, выглядела картина мира, предложенная так называемыми плюралистами — Анаксагором, Эмпедоклом, Архелаем. В их картине мира имеет место рождение и гибель, во времени, но рождение и гибель здесь имеет субъективную, чувственно-познавательную природу. Основу же физической природы в картине мира плюралистов составляют вечные и неизменные элементы (вода, воздух, огонь, земля), комбинации, сочетания которых дают иллюзию рождения во времени, а разъединение элементов, принимается за гибель вещей мира. Хотя вещи природы по форме и являются становящимися во времени, однако, по существу в мире не происходит рождение нового, а лишь сочетание неизменных и вечных сущностей. Идея вечного, несотворимого и неуничтожимого во времени, утвердилась в учениях Анаксимена, Гераклита, стоиков. В отличие от Парменида они не признавали возникновение и уничтожение во времени иллюзией чувственного восприятия мира, а утверждали реальность периодического возникновения и уничтожения Космоса. Картина мира греческих плюралистов в основных чертах сходна с картиной мира ранних буддистов. Однако у первых не обнаруживаются таких активных дискуссий по осмыслению времени, какие предприняли вайбхашики и саутрантики [1, с.5-10; 9]. Как и у ряда предшествующих Платону греческих мыслителей, представления его о мире выражались в делении мира на «истинный» (вечный и неизменный) и «неистинный» (текущий, изменяемый). Мир «копий», т. е. мир «неистинный», дифференцирован по уровню приближенности к «истинному» миру. Дифференцируемость мира «копий» соответствует различимости «идей» в мире «истинном». Получается, что склонность людей к чувственному или рациональному видению мира, есть результат того, какую «идею» обретает человек при своем рождении. Определяя иерархию идей и, соответственно, иерархию копий в мире истинном и неистинном, Платон выделяет

различные уровни представления времени в человеческом познании. Картина мира у Платона раскрывается в трех временных состояниях. Первое состояние – это мир божественный, не поддающийся осмыслению в категориях временного, ибо «идея» времени еще не была рождена в божественном разуме. В «Тимее» Платон говорит о том, что время творится богом вместе с космосом, а следовательно сам бог имеет вневременную сущность. Однако говоря о времени Платон утверждает, что оно вечно. Таким образом, получив начало своего существования в мире от бога, время обретает атрибут вечности. Кроме того, Платон вводит понятие о времени как длительности движения небесных тел, определяемую по законам числовых отношений. Итак, первое состояние мира (божественного) – вневременность; второе состояние мира (мира идей) – вечность; третье состояние мира (образов вечных идей) – непостоянность, текучесть, изменяемость во времени. Если мир «идей» обуславливает бытие мира «копии», то возникает вопрос: является ли временное в качестве потенциального содержания «идей», если да: то, как в «идее» атрибутивно сосуществуют вечность и временность? Как известно, Платон устанавливал критерием истинности «идеи» непротиворечивостью знания о ней. Метод определения истинного знания, как не содержащего в себе противоречия, Платон, по-видимому, заимствует у Парменида. У него же он заимствует мысль о том, что «истинное» всегда едино и не имеет частей, отсюда вытекает тождественность «идеи» самой себе во времени. Но такая философия не дает ответа на поставленный вопрос. И, как бы видя это, Платон в диалогах «Филею», «Парменид», «Софист» развивает диалектическую мысль о том, что «идеи» взаимодействуют, взаимопереходят друг в друга, внутренне определяясь единством многого и единого, бытия и небытия, движения и покоя. Оценивая содержательную сторону работ Платона, А. С. Богомолов пишет: «Как и во многих диалогах Платона, в «Пармениде» нет общего заключения, четко формулирующего мысль Платона. Но раскрыть ее можно. Она состоит в том, что из понятия единого (одного) логически вытекают все иные понятия, с помощью которых мы определяем бытие: единое диалектически, т. е. посредством перехода противоположностей друг в друга и их взаимной связи, порождает все определения бытия. В «Пармениде» это единое и иное, бытие и небытие, тождество и различие, часть и целое, вечность и временность и т. д.» [3, с.189]. Платон развивает мысль о «едином» таким образом, что идея времени воплощает в себе образ единого, но не как «чистого» определения, а диалектически включающего в себя вечное (истинное бытие) и временное (небытие). Естественно, возникает вопрос о том, определимо ли во времени само «единое». В «Пармениде» такое вопрос поставлен и дается ответ на него: «Представляется ли возможным, чтобы единое было старше или моложе, или одинакового возраста с чем-либо?» На реплику Аристотеля: почему бы и нет? – Парменид отвечает: «А потому, что будучи одинакового возраста с самим собой или с другим, оно будет причастно равенству во времени и подобию; а мы уже говорили, что единое не причастно ни подобию, ни равенству» и делается вывод, что «единое не может быть моложе, старше или одинакового возраста ни с самим собой, ни с другим» [6, с.426]. Следовательно, «единое» неопределимо через качественные атрибуты времени – прошлое, настоящее и будущее. Единое тождественно самому себе в вечном существовании. Далее следует другой вариант доказательства неопределимости «единого» через временное изменение от прошлого к будущему. Платон рассуждает от противного, прилагая рассматривать «единое» как становящееся во времени. Становление «единого» обозначает собой переход от прошлого к настоящему; приход в настоящее означает, что «единое» «стало» и «есть». Но ставшее «единое и моложе себя в то мгновение, когда, становясь старше, оно достигает настоящего» [6, с.450]. Данный вывод считается логически обоснованным и не получает какой-либо интерпретации в «Пармениде», а цепь логических рассуждений о противоречивости единого получает свое продолжение. Утверждая, что становящееся единое обнаруживает противоречивость свою в аспекте установившегося в представлении человека порядка отношении прошлого, настоящего и будущего, Платон неявно оперирует двумя концептуально разными теориями времени – статистической и динамической – игнорирование несоединимости которых и ведет к парадоксальным выводам.

Действительно, полагая, что «единое» становится во времени, приходя в настоящее из прошлого, Платон оперирует динамической концепцией времени, согласно которой существует только настоящее – прошлого уже нет, а будущего еще нет. Но вывод его гласит, что когда «единое» стало, придя в настоящее, оно моложе себя в то мгновение, когда стало старше. Конечно, если предположить, что будущее, как и прошлое наряду с настоящим реально, то «единое» в настоящем сложно определить в один и тот же момент старше себя по отношению с прошлым своим состоянием и моложе себя по отношению к своему будущему состоянию. Таким образом, порядок рассуждений Платона таков: «единое» рассматривается в такой картине мира, где оно подвергается изменению во времени, меняя свои состояния в оценке субъекта как проходящие из прошлого (моложе) к настоящему (старше) и далее, с момента настоящего времени, происходит подмена картины мира с динамической концепцией времени на картину мира, где время образует статически развернутый ряд событий, статус, которых в оценке субъекта уже не может быть упорядочен непротиворечиво по шкале прошлого, настоящего и будущего. Противоречие возникает потому, что в первой картине мира (динамическая концепция времени) время – это объективная, природная сущность мира, а во второй картине мира (статическая концепция времени) время – это способ упорядочения событий мира субъектом, по существу своему не имеющее в природе мира реальной основы. Созданную Аристотелем теорию времени можно назвать «числовой теорией времени». По-видимому, на ее создание повлияло учение о времени Платона и пифагорейское учение о «числе», развивавшееся «математиками». Математики, в отличие от другого крыла в пифагорейской школе, развивавших религиозно-мифологического направление, занимались научными исследованиями в области арифметики, геометрии, астрономии, гармоник и философской космологии. Эпистемологическая значимость числовой теории времени, заключается в том, что представляет собой попытку научно-философского исследования времени. Но числовая теория времени обнаруживает и существенный недостаток, на который обратил внимание ученик Аристотеля Евдем. Недостаток этот заключается в том, что числовая теория времени не может объяснить неповторяемое в повторяемых во времени природных процессах. Картина мира, построенная в соответствии с числовой теорией времени, представляется как такой круговорот событий, в котором нет места «иному». Комментируя исследования Аристотеля времени в «Физике», Евдем пишет: «Повторяется ли то же самое время или нет – вот вопрос. ...То же самое по виду, очевидно, повторяется, например лето, и зима, и другие времена года и природы... А если поверить пифагорейцам, что де (повторится) снова тоже самое нумерически, то и я буду рассказывать вам с палочкой в руках, (как сегодня), и вы будете сидеть вот так, и все остальное будет точно таким же, и в таком случае логично считать, что (повторится) то же самое время. Ибо у одного и того же движения, равно как и у многих тех же самых (движений), «раньше» и «позже» тождественны, а стало быть, они тождественны нумерически. Следовательно, (повторится) все то же самое, а значит, и время» [8, с.484]. Таким образом, сам метод математического подхода в построении числовой теории времени не гарантировал ее признания. И все-таки, в этой теории проявилась тенденция формирования научно-философского построения теории, обоснование доказательство которой строится нацелено на стремление к формализации утверждений и выводов. Немало трудов в истории философской мысли было посвящено разрешению парадоксов Зенона, в которых древнегреческий мыслитель глубоко отразил проблему чувственного и рационального в объяснении движения во времени. Аристотель не обошел стороной эти парадоксы и дал свое понимание необоснованности логики рассуждений, ведущей к парадоксальным выводам. Зенон, следуя традициям элейской школы считал, что бытие по своей сути непротиворечиво, и что если те или иные понятия бытия противоречивы, то они не отражают истинного знания о бытии, т. е. представляют собой мнимое знание. Зенон доказывал, что движение не существует в реальности, что оно представляет собой образ мнимого знания. Отсюда логично сделать вывод о том, что время также представляет образ мнимого знания, ибо время и движение во всех философских системах выступают как взаимосвязанные сущ-

ности. Аристотель рассматривает четыре парадокса (апории) Зенона: «Дихотомию», «Ахиллес не догонит черепахи», «Летящая стрела стоит на месте», «Ристалище». Первая и вторая апории доказывают, что если длину любого отрезка представить бесконечно делимой, то движение в данном отрезке не сможет осуществиться, так как, чтобы пройти от начала отрезка до его конца, так как сначала необходимо пройти половину пути, а чтобы пройти половину пути, необходимо пройти половину данной половины и т. д. Но если исходить из того, что процесс деления может быть продолжен до бесконечности, то движение «начавшись» не сможет «завершиться» прохождением положенного пути. Следовательно, предположив бесконечную делимость пространства, мы входим в затруднение при объяснении того, как происходит движение. Первая апория как раз и направлена на доказательство того, что движение не существует, ибо чтобы пройти какой-либо путь необходимо сначала пройти его половину (дихотомия в буквальном смысле – деление на две части) и так до бесконечности. Вторая апория, также основывается на возможности бесконечного деления, но не пополам. Симпликий, комментируя данную апорию, пишет, что «если есть движение, самый быстрый бегут не догонит самого медленного. Но это невозможно. Следовательно движения нет. ...В самом деле, необходимо, чтобы догоняющий прежде, нежели он догонит, сначала достиг черты, с которой стартовал убегающий. Но за это время, пока догоняющий приходит к ней, убегающий, продвинется на какое-то расстояние, хоть и меньшее, чем пройденное (за то же время) догоняющим, так как бежит медленнее. ...И так в каждый отрезок времени, в который догоняющий будет проходить то расстояние, на которое к этому моменту продвинулся убегающий, движущийся медленнее, в этот отрезок времени будет продвигаться на какое-то расстояние и убегающий. ...И так как в силу бесконечной делимости величин можно брать все меньшее и меньшее расстояние до бесконечности, то Ахиллес не догонит не только Гектора, но даже черепаху» [8, с.309]. Таким образом, в чувственном знании мы оперируем понятием движения, как изменения во времени, но в логике рационального знания выявляется иная картина мира, где движение есть ни что иное, как серия состояния покоя. Проблемность возникающей с движением ситуации, выражается также в следующем. Ведь конечный отрезок длины движущееся тело должно пройти в конечное время. Характерная особенность античной философии заключалась в стремлении выявить в природе наглядный аналог понятиям, категориям бытия. Для пространства такой аналог мог быть представлен теми формами, которыми природа одарила тела. Видимое и осязаемое природное тело ассоциировалось с представлением о пространстве. Время же не имело в природе аналога такой степени адекватности, какие имело пространство. Наиболее близким к времени наглядным свидетельством его существования в мире, являлось движение. Но само движение реализуется в наглядности через перемещения в пространстве. Таким образом, опосредованно время представляется в образе упорядоченных, последовательных движений в пространстве. Противоречия, которые возникают в апориях Зенона, видимо, есть следствие того, что он, приняв парадигму геометризованного времени, не учел сущностные различия времени и пространства. Зенон приписывает времени те свойства пространства, которые времени не присущи. Так, например, в апории «Дихотомия» Зенон осуществляет мысленное деление некоего пространственного отрезка сначала пополам, потом полученную половину еще раз пополам, и так пространственный интервал уменьшается от большего ко все более и более меньшему интервалу до беспредельности. Из «Дихотомии» следует, что данный интервал невозможно преодолеть в движении в конечное время, ибо время как бы идет «вспять» (из настоящего в прошлое), чтобы реализовалось прохождение сначала наименьшего отрезка пространства. В данном рассуждении пространство как бы навязывает времени свое свойство гомотропности – свободы в направлении порядка становящихся во времени событий. Но время – «анизотропно». Его нельзя, подобно пространству, делить пополам от «уже» некоторого «целого времени», ибо, во-первых, признание «целого времени» означает, что время уже стало, а следовательно, путь уже должен быть пройден, во-вторых, процесс «обратного» хода времени – из настоящего в прошлое – противоречит фундаментальному свойству времени. Однако ка-

кие бы не предпринимались в истории философской мысли попытки решения парадоксов Зенона, думается, что все они несопоставимы с той гениальностью философской мысли, в которой Зенон выразил противоречивость человеческого знания о мире, в частности о движении, пространстве и времени. Современная наука установила такие принципы и признаки научного знания, которые не оставляют место рассуждениям, нацеленным на выявление сущности явлений, их субстанциальных первопричин, онтологического содержания. Наука нацелена на познание функциональных формализуемых, номологических отношений, связей. В перспективе научного познания всегда стоит задача открытия закона, в основе своей имеющего прагматическую назначение. Качественный аспект экспликации закона времени устанавливает следующее:

а) в мире нет ничего, что существовало бы и происходило вне действия закона времени;

б) все процессы в мире происходят только в ассиметричном по отношению к «настоящему» порядке;

в) течение времени непрерывно и однородно.

Количественный аспект экспликации закона времени выявляет, что:

а) в мире не существует привилегированных систем отсчета времени;

б) в каждой системе отсчета времени «настоящее» всегда уникально;

в) исчисление «настоящего» носит конвенциональный характер;

г) исчисление физического времени определяется природными физическими процессами, имеющими стабильную динамику;

д) одновременными считаются только те события, между которыми существует (или может существовать) имеющая ограниченную скорость материальная взаимосвязь.

Одним из косвенных свидетельств, подтверждающих наличие в мире закона времени, является возможность предвидения. Выход из области непосредственно данного в сферу предполагаемого обрело на различных уровнях человеческого познания различные формы.

Различают два типа научного предвидения: а) знание о вещах и явлениях, которые уже существуют, но не известны в опыте; б) знание о вещах и явлениях, которых еще не существует, но они должны возникнуть.

Именно второй тип предвидения, позволяющий знать о вещах и явлениях, которых еще нет в настоящем, но которые реализуются в будущем, служит подтверждением номологичной упорядоченности становящихся в мире событий. Если бы время было только знаковой единицей интеллекта, то в природе возможно было бы наблюдение тех же трансформаций во времени, которые допускают интеллект в отношении последнего: это стагнация времени, представление о возможности остановки течения его, возможности перемещения объекта или субъекта из настоящего в прошлое или будущее, где они способны влиять на реальный ход событий и т.п. Однако то, что допускает фантазия ума, не допускает закон времени в реальном природном мире. В литературе, конечно, обсуждаются различного рода аномальные явления, необъяснимые в рамках существующего научного знания, однако данные явления носят спорадический характер и должны быть глубоко изучены, с одной стороны, в аспекте их достоверности, с другой – в плане возможности создания объясняющих их научных теорий.

Время не определяет содержание происходящих событий и их взаимоотношения в процессе становления, но оно регламентирует номологическую упорядоченность событий как прошлых, настоящих или будущих, позволяя человеку ориентировать свою жизнедеятельность в оценке ретроспективы, осознания существования в настоящем и предвидения перспективы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимов Р.А. Дискуссии между буддийскими школами вайбхашиков и саутрантиков о реальности времени// Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 3. Ростов-на-Дону, ЦУП, 2015.С.5-10.
2. Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т.3. М. 1976.
3. Богомолов А. С, Античная философия. М., 1985. С. 81
4. Лурье С Я. Очерки по истории античной науки. М. – Л., 1947.
5. Надточаев А. С. Философия и наука в эпоху античности. М., 1990.
6. Платон. Сочинения в 3-х томах. Т. 2. М., 1970.
7. Рожанский И. Д. История естествознания в эпоху эллинизма и Римской империи. М., 1988.
8. Фрагменты ранних греческих философов. Ч, 1. М., 1989.
9. Щербатский Ф.И. Избранные труды по буддизму. М.: Наука, 1988. 426 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Akimov R.A. Diskussii mezhdru buddijskimi shkolami vajbhashikov i sautrantikov o real'nosti vremeni// Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshhestvennye nauki. № 3. Rostov-na-Donu, CUP, 2015.S.5-10.
2. Aristotel'. Sochinenija v 4-h tomah. T.3. M. 1976.
3. Bogomolov A. S, Antichnaja filosofija. M., 1985. S. 81
4. Lur'e S Ja. Oчерki po istorii antichnoj nauki. M. – L., 1947.
5. Nadtochaev A. S. Filosofija i nauka v jepohu antichnosti. M., 1990.
6. Platon. Sochinenija v 3-h tomah. T. 2. M., 1970.
7. Rozhanskij I. D. Istorija estestvoznaniija v jepohu jellinizma i Rimskoj imperii. M., 1988.
8. Fragmenty rannih grecheskih filosofov. Ch, 1. M., 1989.
9. Shherbatskij F.I. Izbrannye trudy po buddizmu. M.: Nauka, 1988. 426 s.

Поступила в редакцию 01.08.2019.

Принята к публикации 10.08.2019.

Для цитирования:

Акимов Р.А. Познание природы времени // Гуманитарный научный вестник. 2019. №4. С. 23-29. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/gv1904Akimov.pdf>